

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Р. А. АЧАРЯН

(ЕРЕВАН)

О СОСТАВЛЕНИИ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

1

В числе важнейших задач, стоящих перед советским языкознанием, находится задача составления этимологического словаря славянских языков, потребность в котором остро ощущается. Подготовка к составлению этого словаря требует большой предварительной работы и, прежде всего, выяснения целого ряда исходных положений методологического характера. Так, например, прежде всего надо решить вопрос, — на основе какого из славянских языков должен составляться этот этимологический словарь. Как известно, языки индоевропейской семьи шли различными путями развития, что определило их современное положение. Так, например, особую группу представляют те языки, которые в настоящее время имеют только одного представителя, например, греческий, албанский, армянский.

Другие представлены многими родственными языками. Так, арийская ветвь представлена двумя группами: индийской и иранской. Членами индийской группы являются санскрит, пракрит, пали, хинди, хиндустани, марати, гуджрати, ассамы и др., а иранской — древнеперсидский, зендский, пехлевийский, новоперсидский, афганский, белуджский, осетинский, курдский, согдийский и другие.

Германская ветвь представлена многочисленными языками; в нее входят готский, немецкий, английский, шведский, норвежский, голландский, датский, исландский и другие. Многими языками представлены и такие ветви, как латинская, кельтская, даже «тохарская» вместе с «кучинской».

Славянская ветвь также представлена не только древнеславянским языком с его древнеславянской письменностью, но и новыми славянскими языками, а именно: русским, украинским, белорусским, чешским, польским, сербским, болгарским, словацким, кашубским, полабским. Славянские языки самыми тесными узами связаны также с языками балтийской группы, коих насчитывается три: литовский, латышский и древнепрусский; первые два — живые и разговорные языки, последний — мертвый, известный только по незначительным литературным фрагментам.

Для ветвей, представленных только одним языком, дело составления этимологического словаря само собой упрощается, а поставленный выше вопрос о том, какой язык взять за основу, естественно, и не возникает. Ср. «Этимологический словарь греческого языка» Бузака (E. Boisacq, «Dictionnaire étymologique de la langue grécque», Paris et Heidelberg, 1909—1916), «Этимологический словарь албанского языка» Мейера (Gustav

Meyer, «Etymologisches Wörterbuch d. albanischen Sprache», Strassburg, 1891) и «Этимологический словарь армянского языка» Р. Ачаряна (7 томов) — Հայերեն արձանագիտական բառարանը Երեզուր. 1925—32). Трудности начинаются тогда, когда приступаешь к составлению этимологического словаря тех языков, которые образуют так называемые ветви, куда они входят наряду с другими языками.

Здесь работу можно вести двояким способом: или взяв только один из языков, принадлежащих к данной группе (ветви), составить этимологический словарь одного этого языка, или же, взяв всю ветвь языков, составить сравнительным методом этимологический словарь всех языков, принадлежащих к этой же ветви, так, например, по иранской группе имеется словарь Бартоломе (Ch. Bartholomae, «Altiranisches Wörterbuch», Strassburg, 1904), который содержит 400 древнеперсидских и 4000 зендских слов, правда, это еще не этимологический словарь в прямом смысле слова, а конкорданция языка древнеперсидских надписей и языка Авесты. Настоящим этимологическим словарем является словарь, составленный Хорном (Horn). Взяв в основу этого словаря современный персидский язык, Хорн привлек к этимологии также соответствующие формы зендского, древнеперсидского, пехлевийского, равно как курдского, осетинского и прочих иранских языков и даже ряда новоперсидских диалектов. Работа его («Grundriss der neupersischen Etymologie», Strassburg, 1893), правда, еще очень мала по объему (состоит лишь из 386 страниц). Разбор ее, написанный Хюбшманном (H. Hübschmann, «Persische Studien», Strassburg, 1895), оказался пространнее работы Хорна.

Для германской ветви языков имеется прекрасная работа Фр. Клюге (Fr. Kluge, «Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache», Berlin, 1930), в основу которой взят современный немецкий язык в сравнении с другими языками германской ветви. По славянской ветви известен «Этимологический словарь» Е. Бернекера (E. Berneker, «Slavisches etymologisches Wörterbuch», Heidelberg, 1908). Здесь автор основой своего словаря сделал древнеславянский язык, перед каждой формой которого он фиксирует соответствующие слова других славянских языков, а вслед за этим дает этимологию данного слова, опираясь на родственные индоевропейские языки. Этот труд получил высокую оценку в науке.

Намного более сжатой является труд Р. Траутманна (R. Trautmann, «Baltisch-slavisches Wörterbuch», Göttingen, 1923). Автор придерживается представления о первоначальном единстве балтийско-славянской ветви. Прежде всего им приводится преобразованная, с этой точки зрения, форма корня, далее — формы трех балтийских языков, а затем — славянских языков. После всего этого он дает этимологию этих корней в сравнении с другими индоевропейскими языками.

Если автор исходит в словаре из какого то одного конкретного языка, то читателю нетрудно будет найти искомое слово. Таков словарь Хорна на основе новоперсидского языка. Таков и словарь Клюге, который взял в качестве основы новый верхнегерманский. Здесь читатель без труда находит искомое слово. Если же автор берет в качестве основного слова научными способами преобразованную форму, то у читателя возникают затруднения при поисках нужного слова, поскольку гипотетически построенная форма может сильно отличаться по своему звуковому виду от искомого слова того или другого языка. Так, чтобы найти у Траутманна русское слово *враг* и выяснить его происхождение, необходимо внимательно прочитать стр. от 334 до 363, где собраны все корни, начинающиеся гласными звуками и, ъ, ѓ. Слово это удастся найти, в конце концов, на 342 стр. под корнем цага.

У Бернекера легче найти искомое слово, поскольку он вначале, в качестве исходных, ставит слова древнеславянского языка. Однако принцип этот им не выдерживается и, наряду с древнеславянскими словами, он иногда использует в качестве опорных — слова других славянских языков.

Из сказанного следует, что (для удобства читателей) лучше всего строить расположение слов этимологического словаря на основе одного определенного языка.

Подходит ли для этой цели древнеславянский язык? Видимо, нет, поскольку в настоящее время он чужд народным массам, имеющим скудное представление об этом языке. В связи с этим в настоящее время нет основания следовать Бернекеру, взявшему за основу старославянский язык. Лучше всего в настоящее время сделать исходным для этимологического словаря русский язык. На этом языке говорит и читает в настоящее время 200 млн. граждан Советского Союза, из коих большая часть знает его как родной разговорный язык. При этом следует иметь в виду, что русский язык является средством общения между братскими народами Советского Союза и самым доступным языком для других славянских народов. В сравнении с другими разговорными славянскими языками русский язык является самым распространенным и среди других народов мира.

Древнеславянский язык имеет и другое неудобство в качестве основы этимологического словаря. Это мертвый язык, на котором не говорят и словарный состав которого можно выявить только по сохранившимся не столь уж многочисленным памятникам письменности, написанным на этом языке, между тем как на других славянских языках и, в особенности, на русском имеется богатейшая литература. «Толковый словарь живого великорусского языка» Влад. Даля содержит 200 000 слов, а «Толковый словарь русского языка» Ушакова — 85 000 слов. Наконец, весьма часты будут случаи, когда то или другое слово имеется в обиходе того или иного славянского народа, и особенно русского народа, а соответствия ему в древнеславянском нет. Какую же форму в данном случае следует взять для составления этимологического словаря?

Из вышесказанного следует только один вывод: в основу славянского этимологического словаря нужно положить самый богатый и распространенный из славянских языков — русский язык.

2

Этимологические словари бывают двух типов. Первый тип — тип так называемого «коренного словаря» (по-немецки: *Wurzelwörterbuch*, по-французски: *Dictionnaire des racines*, иногда поэтически — *jardin des racines*). Словарь этого типа содержит без исключения все имеющиеся в языке корни, независимо от того, установлена их этимология или нет, в последнем случае слово в словаре приводится без этимологии. Второй тип — это подлинно этимологический словарь, который содержит этимологизированные корни. Таким образом, словари первого типа должны в обязательном порядке содержать все корни языка и образованные от них новые слова. Словари второго типа содержат только корни, которые этимологизированы. Таковы, например, «Этимологический словарь латинского языка» А. Вальде (A. Walde, «*Lateinisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1910), «Этимологический словарь греческого языка» Бузака (E. Boisacq, «*Dictionnaire étymologique de la langue grecque*»), «Этимологический словарь новоперсидского языка» Хорна (Horn, («*Grundriss d. neupers. Etymologie*»)) и т. д. «Этимологический словарь армянского языка»,

составленный автором данной статьи, в принципе объединяет оба типа. В нем имеются все корни армянского языка; даже те слова, смысл и чтение которых не уточнены, безусловно упомянуты с припиской, что правильная форма, равно как и смысл их, не поддается уточнению. Кое-кто критически отнесся к этой особенности словаря, требуя исключить из словаря все неуточненные по форме и по смыслу слова. В таком случае возникает вопрос: когда же и где будут рассмотрены эти слова? Внесение таких слов в этимологический словарь служит побуждающим обстоятельством, чтобы ученые обратили на них свой взор и постарались найти их правильную форму и соответственный смысл, а затем и научную этимологию их.

Нам кажется, что этимологический словарь русского языка должен также содержать без исключения все корни русского языка, при этом для этимологизированных слов приводятся все этимологии, а для неизвестных корней и слов должно быть указано, что они пока не поддались этимологизированию.

3

Образцовый этимологический словарь для каждого слова или корня должен иметь пять разделов.

П е р в ы й р а з д е л. Здесь, как было сказано, фиксируется корень в его наипростейшей форме; рядом с ним помещают возможно большее количество производных от него форм; нет необходимости вносить в словарь прозрачные по своему образованию слова, но основные формы, особенно трудно поддающиеся пониманию, безусловно необходимо упомянуть. Так, вместе с корнем *лить* обязательно должны быть помещены *вылить, влить, слить, долить, отлить, пролить, перелить...*, но нет необходимости упоминать производные от этих слов формы (как, например, *проливание...*). Слово *надоедать* так изменило свой первоначальный смысл, что многие не знают, что корень его *ед, есть (жушать)*, а потому это слово следует упомянуть под корнем *ед*.

По мере возможности, необходимо отмечать дату употребления этих корней, а для этого нужно привести свидетельство о древнейшем употреблении данного слова у писателей.

В этом первом разделе важно также указать, кроме основного значения слова, его переносные и второстепенные значения с разными оттенками. Таким образом, первый раздел становится тем, что французы называют *famille de mots* «семьей слов».

Встречаются слова, которые не являются корнями, но они так изменились, трансформировались, что обыкновенный читатель не в силах найти настоящий корень данного слова, как в вышеупомянутом слове *надоедать*. Подобные слова, хотя они и не являются корнями, все же должны быть упомянуты в рядах корней в словарном порядке и напечатаны петитом со сноской «см. под таким-то корнем».

После фиксирования русских корней необходимо перечислить сродные по корням слова всех славянских языков (12), а также те новые производные слова, если таковые имеются, которых, быть может, нет в русском языке. В конце всего этого нужно записать древнеславянский корень, если таковой встречается в памятниках, если же нет, — реконструировать и поместить со знаком *.

Возникает вопрос: следует ли упоминать в порядке корней без исключения все слова, которые употребляются в русском языке, т. е. включать ли в словарь и слова, заимствованные из неславянских языков? Этот вопрос не может быть решен в общем порядке. Несомненно, такие слова, как *айва, арбуз, карандаш, стакан, лошадь, чемодан* и даже *абрикос, фортуж* нужно упомянуть, так как эти слова пустили глубокие корни, в языке

русского народа. По такие слова, как *проблема, цивилизация, эволюция, катедра, ирригация, этиология* и подобные им слова, которые являются новыми, заимствованными из европейских языков, употребляемыми в кругу ученых, незачем вносить в этимологический словарь. Они должны войти в Словарь иностранных слов.

Остается ответить еще на один вопрос: следует ли помещать в этимологический словарь такие корни или заимствованные слова других славянских языков, которых нет в русском языке? Логически рассуждая, пришлось бы дать отрицательный ответ. Однако в этом пункте, нам кажется, нужно жертвовать логикой ради достижения совершенства и целостности словаря и фиксировать эти слова. Богатое собрание таких слов имеется у Ф. Миклошича (F. Miklosich, «*Etymologisches Wörterbuch d. slavischen Sprachen*», Wien, 1866 и «*Die türkischen Elemente in der südost-und osteuropäischen Sprachen*», Wien, 1889—1890).

Второй раздел. Это самый важный раздел в этимологическом словаре. Все, что помещается в первом разделе, можно так или иначе найти и в других словарях. Этот материал не представляет еще специфику этимологического словаря. Во втором же разделе должен быть собран весь материал по этимологии слова и поэтому необходимо уделить ему особое внимание.

Как и всякий язык, русский состоит из коренных (славянских) и иностранных заимствованных слов. Коренные славянские слова, согласно лингвистической науке, происходят из индоевропейских корней. Лучший полный словарь индоевропейских корней составили Вальде и Покорный (Walde — Pokorny, «*Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen*», Leipzig, 1928—1933), где уделено особое внимание словам, принадлежащим к славянской ветви и имеющим связь с индоевропейской семьей языков. Этот раздел целиком должен войти в составляемый большой русский этимологический словарь. Недостаточно упомянуть, что, например, русское слово *сын* происходит от слова *synu* индоевропейского основного языка, но необходимо подробно отметить, в каком из родственных языков это слово сохранилось и в какой форме. Полезно было бы также отметить, в какой из родственных ветвей не сохранилось это слово, например, в армянском, где оно должно было получить форму *hyn* или *yn*. Но и этого недостаточно. Необходимо еще упомянуть, что индоевропейский основной язык для этого понятия имел два слова — *synu* и *patra*; далее следует отметить, в каких языках сохранилось первое и в каких — второе, какова разница между этими двумя словами. Недостаточно сказать, что русское слово *дом* происходит от индоевропейского слова * *dōm*, но необходимо еще упомянуть, что **dōm*, по мнению некоторых лингвистов, происходит от корня **dē* — «связывать». Наконец, нужно дать историю всех слов, в особенности слов, представляющих культуру человечества, как, например, *соль, виноград, вино, мука, лошадь, осел, соха* и т. д.

Нам могут возразить, что пояснения этого характера должны бы явиться задачей всеобщего индоевропейского словаря или какой-то индоевропейской энциклопедии. Это правда, но в данное время у нас нет под рукой, а еще на русском языке, словарей такого рода. Кроме того мы не имеем права требовать, чтобы все говорящие по-русски люди, в особенности люди со средним образованием, в частности учителя, которые интересуются такими лингвистическими вопросами, непременно имели бы у себя дома языковедческую библиотеку, книги на европейских и азиатских, знакомых и незнакомых языках.

По возможности, должны подвергнуться подробной этимологизации и заимствованные слова. Недостаточно заявить, что русское слово *епископ* заимствовано из греческого. *ἐπίσκοπος*, необходимо здесь же объяснить

его составные части ἐπι «на, над» + σκοπος «видеть, зреть»; поэтому первоначально оно имело значение «надзиратель», «надсмотрщик».

Недостаточно заявить, что русское слово *чемодан* заимствовано из персидского: *چمدان* jamedān, но нужно еще показать, что это сложное слово составлено из *چم* jāme «платье» + частица *دان* dān, со значением места или орудия, отсюда все слово означает «сундук», место, куда складывают платье. Недостаточно заявить, что русское слово *сахар* заимствовано из греческого (σάκχαρον), но нужно еще сказать, что оно означало. Индоевропейцы не имели сахара и ели мед, так как они населяли зону умеренного климата, а сахарный тростник, из которого приготавливали сахар, растет в жарком поясе. Слово это первоначально было создано в Индо-Китае, а затем вместе с веществом перешло к индусам. Здесь было образовано санскритское śarkarā, пали — sakkharā. Следует отметить, что первое значение этого слова в санскрите «щебень», «крупный песок», а затем — «сахарный песок». Позднее, вместе с веществом это слово распространилось на запад и там были образованы перс. *شکر* šakar, тур. şeker, армян. շաքար šak'ar (XII в.), араб. sukkar. В эпоху крестовых европейцы познакомились с этим веществом и привезли его с собой в Европу. Так возникли греч. σάκχαρον, лат. saccharum, франц. sucre, англ. sugar, нем. Zucker, итал. zucchero, испан. azúcar.

Т р е т ь и й р а з д е л. Этот раздел содержит все этимологии данного корня, которые когда-либо были предложены учеными. Это и есть то, что можно назвать историей этимологии. В европейских этимологических словарях на этот раздел не обращали должного внимания: приведенные там правильные этимологии оставались анонимными. Обычно упоминали имена только тех авторов, этимологии которых шатки или сомнительны, а вовсе слабые исключали из списка. В моем «Этимологическом словаре» я поступил иначе. Под каждым корнем, в узком столбце, упомянуты в хронологическом порядке все этимологии, предложенные с V в. вплоть до наших дней. Здесь упомянуты и имя автора, предложившего правильную этимологию, и та книга или издание, где она была опубликована. Ошибочная этимология вместе со своим источником упомянуты в целях предосторожности, чтобы знали, что по той или иной причине она ошибочна. Кое-кто считает этот метод неправильным, требует выкинуть из словаря, как лишний балласт, ошибочные этимологии и оставить в нем только правильное и научное. По-моему, это рассуждение несостоятельно. Упоминание об ошибочных этимологиях наряду с правильными отражает историю развития науки, это — картина или зеркало всех тех изысканий, которые произвели многие авторы, чтобы достигнуть истины: ошибочные этимологии подкрепляют достоинства правильной этимологии и практически исключают возможность повторения ошибок.

Вот те причины, на основании которых в моем «Этимологическом словаре» я выделил в качестве третьего раздела отдельный столбец, в который занес в хронологическом порядке все ошибочные этимологии. Так, например, под словом *аштуас* astuac «бог» упоминаются 53 этимологии, из которых только одна правильна.

Русские или вообще славянские слова, к счастью, не подверглись такому истязанию и предложенные для них этимологии или совершенно правильны и окончательны, или имеют лишь незначительные изъяны, вызывают несущественные возражения. Таким образом, предложенный мною третий раздел не встретит особых затруднений, а потому не следует игнорировать его.

Ч е т в е р т ы й р а з д е л. Этот раздел содержит диалектные формы слова. Многие языки, помимо общих разговорных форм, имеют

также диалектные формы, которые столь сильно отличаются от обычных форм, что невозможно их понять, например, вместо обычного французского слова *cheval* «лошадь», один из диалектов употребляет слово *цаба*. Рядом с обычным французским *un sou de sel* «на копейку соли» имеется диалектное *en hu dā hel*.

Современный армянский язык имеет до 40 диалектов; некоторые из них (агулисский, зейгунский, сведийский) так сильно трансформированы, что их трудно понять. В моем «Этимологическом словаре» под каждым корнем имеется до 30 диалектных форм.

В пределах русского языка от Мурманска до окраин Крымского полуострова с незначительными отклонениями говорят на более или менее едином русском языке. Главное различие в русских диалектах — *акающая* и *окающая* формы. В настоящее время у нас составляется диалектологический атлас русского языка. Пользуясь этим трудом, можно под каждым корнем собрать все его диалектные формы, если таковые имеются.

Пятый раздел. Если четвертый раздел был краток, то пятый раздел, напротив, весьма трудный и пространный. В этом разделе должно быть упомянуто, какие русские слова в нашем Советском Союзе вошли в тот или иной национальный язык. В Советском Союзе всюду говорят на русском языке, но не все русские слова вошли во все национальные языки. Однако, число заимствованных из русского языка слов весьма велико. Например, русское слово *брат* вошло в качестве заимствования в алтайские языки Средней Азии. Влияние русского языка на литературные и народные языки народов нашего Союза, так велико, что едва ли когда-либо окажется возможным все это собрать и составить специальный словарь. Конечно, те научные термины и слова, которые имеют интернациональный характер и о которых сказано было выше (в первом разделе), что они не должны быть упомянуты в общих рядах корней, не должны заноситься и в этот раздел (например, *хронология*, *метафизика*, *геология*, *дипломатия* и многие тысячи подобных слов). Хотя мы и сказали, что эти слова интернациональные, но народы СССР заимствовали их не из Западной Европы, а непосредственно из русского языка. Значит, речь идет о исконно русских словах или словах обрусевших и сделавшихся достоянием русского народа. Число этих слов велико. Собрать их по всем языкам народов Советского Союза — чрезвычайно трудная задача. Ученый, который примется за разрешение важной проблемы подведения итогов влияния русского языка на языки всех народов Союза, этот ученый, несомненно, сумеет преодолеть указанные трудности.

Русский язык влиял и в западном и в южном направлениях на языки европейских и азиатских народов. Так, например, мне приходилось слышать среди турок в Эрзеруме русское слово *бумажник* в значении «мешочек для денег», причем местный кошелек — мешочек для денег — изготовляется из грубой материи, а кожаный кошелек — бумажник европейской формы — вошел в обиход через русских. В Трапезунде обычным было слово *пароход*, хотя употреблялось также *bafor* или *varog*, искажения французского *varieur*. В том же городе употребляется и русское слово *хларот* в значении «война», «шум». В Константинополе турки употребляют слово *qarusqa*, а армяне *harusxa* в значении «соус с капустой», хотя сама капуста называется словом *lahana*, которое заимствовано из греческого *λάχανον*.

Русские обороты речи и выражения достигли даже пределов Франции, например, слово *ударник* по-французски передано *travailleur de choc*, а *пятилетний план* — *plan quinquennal*.

Резюмируя все сказанное, мы видим, что рассмотрение каждого корня должно иметь пять разделов.

Первый раздел охватывает филологический разбор корня, время его появления, оттенки значения, производные слова, — *famille de mots*;

Второй раздел — пространную этимологию, составленную историко-сравнительным методом исследования;

Третий раздел — историю этимологий корня;

Четвертый раздел — провинциальные формы и

Пятый раздел — влияние русского языка на все языки мира.

Из всего сказанного следует, что составление этимологического словаря — весьма трудное дело, однако несомненно оно не является непосильным для ученых Советского Союза.

Ученые всего Советского Союза, при участии ученых других славянских народов, все вместе взятые, составляют огромную армию, которая должна приняться за это крупнейшее дело. У европейских народов нет этимологических словарей с подобной программой и в таком объеме. Их этимологические словари охватывают обычно только второй раздел намеченного нами плана. Русский народ и советская наука должны превзойти их и дать миру великолепный этимологический словарь, который отобразит на своих страницах великие научные достижения Сталинской эпохи.
